

## ВОСПОМИНАНИЯ О ДРУГЕ И УЧИТЕЛЕ

EDN: LGVKYE



**Рудаков  
Владимир Николаевич  
Несуетливый человек**



С Владимиром Васильевичем Петуховым мы окончили один и тот же – исторический – факультет Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина, только с разницей в целую жизнь. Он выпускался летом 1972 года, когда я только-только появился на свет. Тот факт, что у нас общая alma mater, был для него, как мне кажется, очень важным моментом в наших с ним отношениях.

Впрочем, к тому моменту, когда я окончил МГПИ (правда, уже переименованный в университет и лишенный наименования «ленинский»), Петухов успел поработать в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС – главным, если так можно выразиться, think tank советской идеологической машины. Впрочем, судя по тому, насколько глубоко и профессионально Владимир Васильевич умел анализировать социальные процессы, ИМЛ, работе в котором он отдал почти два десятилетия, занимался не только идеологическими вещами. Чего-то мы всё-таки не знаем, наверное, про советскую эпоху...

Но мы встретились ещё позже – в начале нулевых, и познакомил нас, мне кажется, политолог Андрей Рябов, который в то время сотрудничал в качестве автора с журналом «Профиль», где я, в свою очередь, работал

политическим обозревателем. Мне нужен был комментарий (уже не помню, на какую тему) социолога, и Рябов посоветовал обратиться к Петухову, заодно снабдив меня его телефоном. Так завязалось наше знакомство – сначала заочное, по телефону, а затем и личное, вполне сердечное.

Владимир Васильевич всегда отличался обстоятельностью в чём-то даже, как мне казалось поначалу – избыточной, нередко выходящей за рамки обсуждаемого сюжета. Но потом я понял, в чём дело: объясняя сложные вещи, неоднозначные социальные процессы, ему хотелось, чтобы и собеседник смотрел на них не одномерно. Чтобы и в моём понимании – понимании журналиста, – и в понимании читателя, к которому мы, в конечном счете, апеллировали, возникало ощущение объёма и глубины. Во многом это была наивная затея: СМИ, как правило, стараются «не углублять», реагируя лишь на то, что лежит на поверхности, да и публика, как считается, в массе своей ждёт простых ответов на сложные вопросы. Но мне почему-то всегда были дороги эти «довески» от Петухова, и в той мере, в какой позволял журнальный формат, я старался их сохранять в его интервью.

Помимо общей alma mater, к обсуждению которой мы время от времени возвращались (так я узнал, например, что однокурсником Петухова на истфаке МГПИ был писатель Вячеслав Пьецух), спустя какое-то время возникла у нас ещё одна общая тема. Речь идёт о Наталье Седовой – ученице Владимира Васильевича. Она была школьной подругой моей первой жены, мы с ней были давно знакомы, и я знал, что она работает социологом. Но где именно, не представлял. И вот в одной из работ Петухова я увидел ссылку на статью некоей Н. Н. Седовой. Оказалось, что Наташа трудится «под крылом» Петухова. Он искренне радовался тому, что у нас с ним прибавилось общих знакомых. То, с какой теплотой он отзывался о своей младшей коллеге, свидетельствовало о необыкновенной душевной щедрости Владимира Васильевича. Сколько я помню, при всех последующих встречах он всегда за глаза хваливал Наташу за трудолюбие, упорство, замечательные человеческие качества. И правильно делал.

Он был, как мне представляется, очень основательным и несуетливым человеком. Думаю, здесь сыграли свою роль не только врождённые качества, но и образование, которое он получил. Я ещё успел застать последних могикан истфака МГПИ, учивших тщательно и вдумчиво – «по-университетски» – работать с материалом, всесторонне подходя к решению как научных, так и житейских вопросов. Петухов, учившийся на два десятилетия раньше, видимо, именно там получил соответствующую интеллектуальную закалку. У меня есть несколько институтских учителей примерно одного с ним поколения, которые давно уже стали друзьями и которые во многом напоминают мне Владимира Васильевича. Прежде всего, своей основательностью и не суетностью.

Мы не были настолько уж близко знакомы, чтобы подробно обсуждать личные обстоятельства друг друга. Но, мне кажется, он прожил очень непростую жизнь. Я знаю, что он долго ухаживал за своей старенькой мамой, носился по врачам, магазинам, аптекам, параллельно

с активной аналитической работой решал сугубо бытовые вопросы. Потом сам занемог и долго выкарабкивался из болячек. Но всё это не сделало его раздражённым, усталым от жизни. Он, конечно, уставал, но к жизни как таковой и к людям продолжал относиться с интересом, по-доброму.

Я очень благодарен судьбе за то, что свела меня (пусть мы общались очень кратко и эпизодически) с Владимиром Васильевичем. Пишу эти строки, а в памяти возникает его полноватое лицо, добрый взгляд из-под очков. Высокопрофессиональный и удивительно сердечный человек – это всегда большая находка, когда такие люди встречаются на жизненном пути. Думаю, нам всем очень повезло, что в нашей жизни был такой человек – Владимир Васильевич Петухов.

*В. Н. Рудаков,  
главный редактор журнала «Историк»*